

Фрагмент из книги «Вечные рифмы любви» (автор А. Горшенин)

Глава 6. «Входной билет» в Поэзию

В учебе и делах творческих студенческая юность пролетела незаметно. Наконец наступила преддипломная горячка. И вдруг — телефонная трель. Звонил из «Сибирских огней» Александр Кухно. Он временно замещал заведующего отделом поэзии.

С Кухно Нелли познакомилась на одной из поэтических встреч. Он начинающую поэтессу приметил, запомнил. Теперь вот звонил...

— Чего сидишь — куда не высовываешься? — спросил он.

— Диплом делаю.

— А стихи печатать не собираешься?

— Не знаю... — смешалась от такого неожиданного для нее вопроса Нелли.

— Давай неси! — безапелляционно сказал Кухно.

— А сколько?

— Да сколько есть, столько и неси...

Принесла Нелли, по ее словам, «две авоськи». Кухно, даже не улыгнувшись, оставил у себя обе. И выбрал из них... пять стихотворений.

В сентябре 1966 года, в девятом номере журнала «Сибирские огни» подборка под общим названием «Это добрый человек...» была напечатана. Она стала настоящим поэтическим дебютом 23-летней Нелли Закусиной и как бы ее «входным билетом» в мир «большой поэзии».

Что же предложил читательскому вниманию Александр Кухно из принесенного Закусиной стихотворного вороха? Пять непохожих друг на друга поэтических зарисовок.

В центре одной («**Большая стирка**») были пальцы женских рук, «пляшущие» на ребрах стиральной доски («обнаженные, в белой пене // десять бронзовых, жарких тел»). Удачно найденный поэтессой метафорический образ превращал заурядный бытовой эпизод в подлинно художественную картину. Образ натруженных женских рук по-своему «аукнется» в более позднем стихотворении Закусиной «**Руки**», где он обретает уже символическое звучание: лирической героине хочется, чтобы тяжелая трудовая рука крестьянки, которую она держит в своих ладонях, ей «передала частицу силы// и своей крестьянской красоты».

В основе другого стихотворения подборки «**Было хмуро и горько...**» тоже вполне бытовая ситуация. Только здесь образ самостоятельной, свободолюбивой, но и противоречивой по натуре женщины, не желающей прогибаться ни перед возлюбленным, ни перед его родней, выписан с графической контрастностью и резкостью, с некоторой даже вызывающей прямолинейностью и сарказмом: «Научусь понемножку, // что и как, и когда. // Как любить осторожно, // честь свою не марать, // буду брать то, что можно, // что не можно — не брать...». А сам этот образ как бы наметит стержневую черту лирической героини Закусиной.

А вот «**Ночной звонок**» — своего рода психологический этюд, отражающий состояние человека в определенный момент его бытия — в данном случае на грани сна и яви, реального и ирреального.

Он станет предтечей целого ряда написанных Закусиной в разное время стихотворений, где сновидения выступают формой поэтического выражения тончайших переживаний чувств и зыбких предощущений, формой, которой поэтесса охотно и успешно будет пользоваться.

Так, тема неожиданного ночного звонка повторится у Закусиной позднее в стихотворении «**Приснился человеку телефон...**». Человеку приснился телефонный разговор с другом, которого он много лет не видел и не общался. Закончить беседу человек не успел — проснулся. А жена сообщает, что звонил какой-то друг, но она не стала будить. Такая вот

матрешка: фатасмагорическое в реальном. Но это не суть, а форма выражения. Поэтическая же мысль здесь скорее в том, что настоящий друг не оставит тебя нигде и никогда — даже во снах.

На зыбкой грани сна и яви, мечты и реальности, полутонов и предощущений построено и стихотворение **«Из трубы — дым...»**.

Поэтические сновидения у Закусиной разнообразны. Ее лирическая героиня может летать во сне, как в зарисовке **«Душа трепетала во сне...»**.

А в стихотворении **«Сон»** ей снятся густые заросли золотых подсолнухов, через которые она проходит к неким распахнутым дверям. Здесь ей рады, и она счастлива, как не была никогда.

В конце семидесятых годов появится у Закусиной даже целый «сновиденческий» цикл — **«Цветные сны»** из шести частей. Душевное состояние влюбленной женщины передано здесь через цепь снов, в которых она видит себя то «журавлем, длинноногим и серым», то «воробьем, ошалевшим и смелым», то рисует прутиком мост на песке, «под которым ветер кричит», то появляются в ее ночных видениях «синие букеты по весне», то кони. Полночные кони-сны мчат лирическую героиню «по самому краю земли», «пока не спустились рассветы». А в стихотворении **«Ах, какие там могут быть сказки...»** белые кони поэтических грез из сновидений становятся символами красоты, доброты, теплоты и чистоты. Но сквозь все эти видения проступает еще одно — сквозное и для лирической героини самое важное — облик любимого.

Впрочем, не всегда он для нее явственен, отчетлив. В стихотворении **«Не знаю, наяву или во сне...»** (из той же серии поэтических сновидений) лирическая героиня пытается представить себе образ любимого, живущего «в дальней стороне» («какой он там?»), и не может («все непонятно мне»). Но она все равно уверена, что «он помнит, помнит, помнит обо мне».

Поэтические сновидения у Закусиной отнюдь не всегда мажорны. Они могут быть окрашены и печалью, и тревогой, и страхом. В стихотворении **«Я, как с жизнью своею...»** женщина во сне прощается с возлюбленным, «как с жизнью своею». Сон этот пугающе навязчив, поэтому крепнет в героине желание, пока любимый с нею, «надышаться» им. А то и вовсе возникает на грани сна и яви фантом давней любви, как тень от дыма на снегу, и светит возлюбленный «далекой улыбкою» (**«Из трубы — дым...»**).

«Сновиденческие» стихи Закусиной заставляют вспомнить знаменитую серию офортов Франсиско Гойи «Капричос» (причуды), информационной основой которой тоже были собственные сновидения художника. Одна из самых ее известных работ называлась «Сон разума рождает чудовищ». Чудовища — не чудовища, но героиня стихотворения **«Не спится ночами...»** утверждает, что во снах «летают над нами ночные тяжелые птицы», которые утром превращаются в рассвет, оставляя в душе тревожный вопрос, чьи же это «души томились // пытаюсь к душе прикоснуться», «чьи лица уснуть не дают нам». А вот в **«Сюрреалистическом сне»** картина рисуется и впрямь чудовищная. Этакая жуткая экологическая антиутопия о временах конца 21 века, когда «рябина цветет», «но нет на земле человека, // лишь тень его злая растет», а «трава-мурава, что ершилась в подворьях, // сегодня, как лес», и «плавает в заводи окунь // из каждой икринки — рука». А все из-за того, что «свет разума, гордость науки, // добрался до сути Земли», но «мы, неразумные внуки, его и себя подвели».

Со временем поэтические сновидения Нелли Закусиной делались все изобретательнее, изощренней, художественно совершенней, но тот «Ночной звонок» из ее дебютной подборки так и остался для всех них отправным моментом и истоком.

«Сновиденческих» стихов у поэтессы много. Можно сказать, целая ветвь в ее творчестве. И невольно удивляешься такому стойкому вниманию к миру ночи с его особым бытием и аурой. Хотя удивляться, в общем-то, и нечему. Просто ночь для Нелли Закусиной особое время суток. По ночам к ней приходят стихи...

В одном из газетных интервью Нелли Михайловна отмечала эту свою особенность:

«Я — ночная. Есть единственное стихотворение, которое я написала утром. Оно называется «Утренние стихи». Все остальное только ночью.... А прозаики, наоборот, работают только утром. У них должна быть ясная, свежая голова. А у поэта должна быть голова задуренная — на грани полусна, полубреда, полуяви. В стихах должна быть какая-то задуренность... Поэтому только ночью. Словами это трудно объяснить. Всю ночь пишешь, потом удивление: откуда это?..»³.

Почти по Ахматовой: «Налево беру и направо... // Немного у жизни лукавой, // И все у ночной тишины».

Утверждение, что ночь лучшее время для стихов, а «задуренность» — чуть ли не родовая черта поэтической стихии, возможно, и спорно, ибо у каждого поэта таинство рождения стиха свое. Но Закурина говорит за самое себя. И тем, кто знаком с ее творчеством, с ней трудно не согласиться. Во многом очевидна и ночная природа ее стихов (и не только «сновиденческих»), и явная «задуренность» некоторых, когда суть и смысл остаются где-то на периферии, а на передний план выходят (на грани подчас психической раздвоенности) ощущения и эмоции.

Когда-то Елизавета Стюарт признавалась:

Я разглядеть секрета не могу:
Внимательно стихи ее читаю
И в них не все порою понимаю,
Но я себя ее волненьем жгу.

Написано про другую сибирскую поэтессу — Нину Грехову, но, я думаю, нечто подобное можно сказать и про Закурину, эмоциональной взволнованностью своих поэтических произведений способной несколько не хуже Греховой воспламенить читательские сердца. Есть что-то и по духу близкое между этими двумя поэтессами, которых на заре их поэтической юности связывала большая дружба. Вместе с тем заметна и ощутимая разница: Закурина даже в самых своих «задуренных» стихах все-таки гораздо более земная и реальная, чем «нездешняя», витающая в облаках своих поэтических иллюзий Грехова.

Еще одно стихотворение дебютной сибогневской подборки Закуриной «**Это добрый человек, он очень добрый...**» представляет собой развернутый метафорический образ человека, способного талантом своим и силою искусства преодолеть времена, пространства и национальные барьеры.

А завершалась та подборка светлой и милой иронической зарисовкой «**Грустная шутка**», где «седой авторитетный человек» сидит на скамейке в сквере и плачет. «И даже слез не прячет, // и словно даже светится от слез». А когда его спрашивают, не помочь ли чем, он отвечает: «Чего уж, я поплакать не могу?» Ну, хочется человеку, как в детстве, поплакать чистыми непорочными слезами!..

В общем, в сентябре 1966 года поэтический дебют Нелли Закуриной на страницах журнала «Сибирские огни» состоялся. Опубликованные стихи той говорили о таланте и самобытности начинающего автора, его оригинальном образном видении и способности к поэтическому перевоплощению. При этом, конечно, поэтический облик той Закуриной, который сложится через десятилетие, когда она станет профессиональным писателем, в них если и просматривался, то пока еще весьма смутно.

³ Нелли Закурина. «Спаси меня от зла непониманья...». // «Вечерний Новосибирск», 14 июля 2000 г.